

ПРЕДИСЛОВИЕ*

Мои «Каратели» — бездны горечи от человеческих падений...

Алесь Адамович

Над «Карателями» Алесь Адамович работал мучительно, долго, о чем говорят даты: 1970–1980, 1987–1988 годы. Напечатана повесть была в 1981 году в Минске с циклом полосных иллюстраций А. М. Кашкуевича.

В это же время он работает над книгами «Я из огненной деревни» (в соавторстве с Я. Брылем и В. Колесником) и «Блокадная книга» (в соавторстве с Д. Граниным). Он уже выслушал пронзительные рассказы хатынских женщин, мужчин и ленинградцев. После всего услышанного, записанного, собранного в книге «Я из огненной деревни» герои повествований и авторы задавались одним и тем же вопросом, обращенным как бы ко всему свету: «Так что же это было? И кто они — те, что это делали? Они люди или кто?»

«Я чувствовал писательское право и возможность весь свет направить, бросить в самую тьму кромешную — уже на самих карателей, фашистских убийц, — писал А. Адамович. — В «Хатынской повести» и в нашей коллективной книге «Я из огненной деревни» рассказано о тех... кого убивали. А здесь — о тех, кто убивал». Автора «мучают... и эти вопросы, и ответы на них: кто же они... нелюди сре-

* В тексте использованы цитаты из интервью и записных книжек Алеся Адамовича (даны в кавычках).

ди людей, как из человека делают это, и что с ним при этом делается...». В одном из интервью писатель сказал: «Повесть, кажется, про самое отвратительное, что может быть на войне, про тех, кто убивал наших людей в Хатынях, про палачей».

Алесь Адамович обозначает свои повести жанром «литература запекшейся крови».

Как писатель он опирался на Достоевского, которого знал и любил. Тот еще сто лет назад заклеил опаснейший вирус вседозволенности, предсказал появление фашизма и то, что «главные убийцы-теоретики скоро сто миллионов голов потребуют во имя идеи — удержу им не будет». В XX веке счет мог идти уже на миллиарды ради все того же «счастья будущих поколений»...

«Встретил Д[остоевского] по-наст[оящему] не в книгах — в жизни, в людях... То, что Д[остоевский] открывал лит[ературе] и миру прозорливостью мучительного жестокого гения, открылось людям простым в их страшной жизни, **миллионам** людей».

Повесть «Каратели» — «о реальных теоретиках и практиках фашистского геноцида», которые стремились превратить людей в народ без милосердия, принимали жестокость и бесчувственность к чужой боли за добродетель и постоянно проявляли готовность убивать, убивать!..

Алесь Адамович использовал в книге материалы судебных процессов над карателями, на которых он присутствовал лично в 1974 году в Гродно и в 1977 году в Минске. Во время этих заседаний он записывал рассказы подсудимых, служивших у немцев: как они жгли, уничтожали Хатынь, что помнят, что думают сейчас о тех злодеяниях. Об их поведении, отношении к прошлому, их семьях — женах и детях, которые ничего не знали. Как оказалось, бывшие каратели жили, заводили семьи, работали. В судах они даже представляли положительные характеристики, медали, награды (например, «Ударник коммунистического труда»).

В тех же залах одновременно сидели и бывшие жертвы, и палачи, и их родные. Адамович при этом делает зарисовки портретов карателей.

Повесть построена при помощи того же документализма. Фамилии его антигероев — Мелешко, Тупига, Муравьев, Лакуста, Белый, Суров, Мельниченко, Сиротка, Оскар Дирлевангер (главный немецкий каратель) и другие — взяты из судебных протоколов.

Из рассказов подсудимых было видно, что «желание выжить любыми средствами» руководило их поступками и тогда, и теперь. По их словам, *тогда* они якобы ничего не делали: «всегда оказывался там, где не убивали, не жгли и т. д.». Вроде как просто попутешествовали по войне, без цели и результатов. Причем немцы, по воспоминаниям, порой и в воздух стреляли, отпускали жертв, а эти нет... «А что у него винтовка и он может стрелять, но в немца — даже и теперь не думает. Не выгодно сознавать такую возможность». Они предпочитали предстать перед судом трусами, но никак не садистами и не палачами.

Алесь Адамович изучает психологию личности, мотивацию поведения человека в так называемых пограничных ситуациях. Карателями не рождаются, говорит автор, ими становятся, и они не имеют национальности. У них был выбор: либо мужественно, сохранив в себе человека, умереть, либо стать изменником, карателем, воспользоваться шансом выжить, вернее, лишь существовать всю последующую жизнь... Они тешили себя самообманом, что это ненадолго, что при случае или сбегут, или перейдут к партизанам. Но гитлеровцы не давали им такого шанса... Как вспоминал один из подсудимых карателей, их «окропляли — чтобы у каждого из нас были руки в крови».

На какой-то стадии работы изменилось название книги и даже ее жанр, который определялся писателем как «документально-фантастическая повесть». Она являлась документальной в своей основе: на Могилевщине существо-

вала деревня Борки и был спецбатальон Оскара Дирлевангера, уничтоживший сотни белорусских деревень вместе с жителями. «За всем этим — документ. Ну а «фантастика» — в том лишь смысле, что наше сознание даже «документ» не готово признать, принять, когда он свидетельствует о такой правде. И чем реальнее, тем фантастичнее...»

В процессе работы А. Адамович перечитал Ницше, выписывая цитаты из его книг в общие тетради. Писатель стремился разоблачить фашистское мифотворчество, опирающееся на эгоцентрическую философию Ницше и его концепцию гипербореев-сверхлюдей (отсюда и подзаголовок «Радость ножа, или Жизнеописания гипербореев»).

Адамович предупреждает будущих Ницше, что не только идеи физиков, естественников, но и ваши недобрые, режущие идеи и мысли могут быть использованы: эти «ножи» подхватят и пойдут по чужим жизням. А ведь Ницше не хотел того, на что судьба его обрекла, — «стать оружейником дирлевангеровцев-гипербореев».

Заключительную главу, «Дублер: Сны с открытыми глазами», посвященную второму тирану — Сталину (который был дублером то Ленина, то Гитлера), А. Адамович долго писал в общие тетради, просто, как говорят, в стол, и воспринималась она им как самостоятельная повесть. Он боялся не успеть ее написать: «Судьба все же должна мне позволить написать «Дублера», ведь именно она дала бы «Карателям» необходимый акцент». Для него это становится главным: «Ну и любыми судьбами и чем бы это ни грозило — впечатать в «Карателей» «Дублера!»

Из-за цензуры эта глава была напечатана только в 1988 году («Дружба народов», № 11). В ней вскрывается сущность подозрительного, страдающего манией преследования и испытывающего страх диктатора.

«...В «Карателях» будет все отвращение к этим ничтожествам [Гитлер, Сталин. — *Н. А.*], возмнившим, что они хозяева миллионов судеб, особей, которые, безусловно, человечнее их... На них смотрят невольно сквозь увеличительное стекло, если уж не экстаза политического, то удивления просто человеческого: вот что они могли! (Напр[имер], решить и убить 6 млн или целый слой социальный убрать.) И не думаем, что «удивляться» надо по-хорошему на тех, на того, который не сделает этого, не смог бы, не стал бы, не надо ему этого. Таких миллионы, и они-то заслуживают быть в памяти человеческой... а эти выродки, и такими им оставаться. Конечно, литерат[ура] обязывает понять, как это бывает, отчего бывает и возможно. И тут уже общего чувства мало, но и оно будет стоять за анализом — в «Карателях».

24.06.[19]77

Алесь Адамович понимал, что каратели пока не исчезнут на Земле, поэтому «в «Карателях» глава о современных гипербореях должна оставаться открытой. Дописали себя Сабра и Шатила. Допишет, увы, и Афганистан! А там и еще кто-то...». И это, к сожалению, имеет тенденцию повторения: за Гитлером и Сталиным идут другие инициаторы массовых убийств.

*Н. А. Адамович
Октябрь, 2013*

ОТ ХУДОЖНИКА

Не знаю, как Арлен Михайлович Кашкуревич, а я горжусь, что рядом с ним в одной книге... Это художник со своей философской мыслью, и она мне близка.

Алесь Адамович, 1983

Я благодарен судьбе за то, что она свела меня с таким интересным человеком, как Алесь Михайлович Адамович. Наше знакомство совпало с периодом моей активной творческой деятельности.

Первым произведением писателя, над которым мне посчастливилось работать, была «Хатынская повесть» — книга, потрясающая своей откровенностью о войне, написанная выразительно и правдиво, так, будто это случилось вчера.

Благодаря работе над повестью Алеся Адамовича я открыл для себя умного, талантливого писателя — философа, честного и бескомпромиссного человека, дружба с которым обогатила меня как человека и художника. Между нами сложились теплые, дружеские отношения. Затем была совместная работа над другими книгами, среди которых «Асия. Последний отпуск» и «Я из огненной деревни».

Часто встречаясь с Алесем Адамовичем, я видел, как много он работает. Я знал, что Алесь Михайлович собирает материал для своей новой книги о войне. Через какое-то время он вручил мне рукопись новой книги с жестким на-

званием «Каратели». Я прочел ее залпом и ужаснулся: это была страшная книга! По-моему, в белорусской литературе нет произведения более жестокого в своей правде, более страшного своим проникновением во внутренний мир человека, опустившегося в такую бездну.

В этой книге показано, как рождается ненависть, как рождается фашизм, как рождается зло в масштабах планеты. Писатель сумел заглянуть в глубину человеческой души, докопаться до самых сокровенных ее тайн.

Передо мной возник вопрос, как показать эту патологическую жестокость, растрление человеческих душ. Книга настолько трагична, что появление каких-либо изображений среди текста было бы кощунством. Иллюстрации не смогли бы выдержать соседства рядом с таким экспрессивным, мощным текстом. И я принял решение собрать иллюстрации в отдельный изобразительный блок, поместив его перед титулом как самостоятельный художественный элемент книги. Мои рисунки — это не иллюстрации в обычном представлении. Эти композиции — символическое обобщение, отклик художника на произведение большого мастера. Это вечные образы, призывающие читателя к глубокому раздумью над судьбой человека и всего человечества.

Я был рад возможности работать над такой темой, подобную которой давно искал. Эта книга — плодотворный диалог литературы и изобразительного искусства. В этом заключается ее особенность и эстетическая ценность.

*Арлен Кашкуревич
Март, 2013*

Гипербореи, гиперборейцы — в древнегреческой мифологии — обитатели Крайнего Севера (куда не долетает холодный ветер Борей, на границе нашего мира с миром антиподов), а по представлению некоторых античных авторов — это народ, живший в середине первого тысячелетия до н. э. на Востоке, в Азии.

«Обратимся к себе. Мы — гипербореи, мы достаточно хорошо знаем, как далеко в стороне мы живем от других. «Ни землей, ни водой ты не найдешь путь к гиперборейам» — так понимал нас еще Пиндар. По ту сторону севера, льда, смерти — наша жизнь, наше счастье. Мы открыли счастье, мы знаем путь, мы нашли выход из целых тысячелетий лабиринта... Нет ничего более нездорового среди нашей нездоровой современности, как христианское сострадание. Здесь быть врачом, здесь быть неумолимым, здесь действовать ножом — это надлежит нам, это наш род любви к человеку, с которым живем мы — философы, мы — гипербореи...

В единичных случаях на различных территориях земного шара и среди различных культур удается проявление того, что фактически представляет собой высший тип, что по отношению к целому человечеству представляет род сверхчеловека. Такие счастливые случайности всегда бывали и всегда могут быть возможны. И при благоприятных обстоятельствах такими удачными могут быть целые поколения, племена, народы».

Фридрих Ницше

«Если можно признать, что что бы то ни было важнее чувства человеколюбия, хоть на один час и хоть в каком-нибудь одном, исключительном случае, то нет преступления, которое нельзя было бы совершить над людьми, не считая себя виноватым...»

Лев Толстой